



## СОДЕРЖАНИЕ

|   |    |
|---|----|
| От автора .....                                     | 8  |
| Преимущества пространства. Вместо предисловия ..... | 11 |

### *Часть 1. Вид снаружи*

|   |    |
|---|----|
| Глава 1. «Хрущевка»:<br>реальный мем и возможное определение .....                        | 37 |
| Глава 2. Геолокация и экстерьер:<br>большие и средние границы малогабаритного жилья ..... | 86 |

### *Часть II. Личные места общего пользования*

|  |     |
|--|-----|
| Глава 1. Кухня: каноны питания в типовом жилье .....                         | 157 |
| Глава 2. «Гаванна»:<br>санитарно-гигиенические возможности типового жилья .. | 212 |

### *Часть III. Жилая площадь*

|  |     |
|--|-----|
| Глава 1. Спальня: интимность в малометражке<br>для одной семьи ..... | 274 |
| Глава 2. «Общая комната»:<br>попытка возрождения гостиной .....      | 328 |
| Финиш .....  | 394 |
| Источники и литература .....   | 397 |
| Сводные характеристики серийных «хрущевок» .....                     | 410 |
| Указатель имен .....   | 412 |
| Предметный указатель .....   | 418 |

Вот передняя наша, вот и вешалка наша,  
Наша комната, Саша, наша комната, Маша.  
Вся квартира наша, наша. Кухня тоже наша, наша.  
Наши окна, наши двери, я глазам своим не верю.  
Есть уютный кабинет, как стекло блестит паркет.

*Дуэт Саши и Маши из оперетты  
«Москва, Черемушки», 1958.*

*Слова Владимира Масса и Михаила Червинского,  
музыка Дмитрия Шостаковича*

*Памяти Марка Григорьевича Мееровича,  
архитектора и историка (1956–2018)*

## ОТ АВТОРА

Осенним днем 2003 года на кафедре Санкт-Петербургского государственного экономического университета, где я тогда работала, появился элегантный моложавый мужчина. Он пришел ко мне не с пустыми руками, а с традиционным в научной среде подношением — собственной книгой под названием «Жилищная политика в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании (1917–1941 гг.)». К сочинению прилагалась изящная коробочка бельгийского шоколада. Покрытая ярко-алым атласом, миниатюрная по размеру бонбоньерка сразу привлекла мое внимание — и не потому, что я безумная сладкоежка. Поразила тактичность — презент «не напрягал» своими габаритами и «купеческим размахом». Он был лишь актом внимания к автору-женщине, что всегда приятно.

Но еще больше меня порадовала надпись на книге: «Глубокоуважаемой Наталье Борисовне, чья удивительная монография „Советский город“ предопределила направленность исследовательского интереса автора и привела к появлению данной книги». Речь шла о моей работе «Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы», изданной в 1999 году.

И вот теперь настало мое время поблагодарить заслуженного архитектора России и одновременно доктора исторических наук Марка Григорьевича Мееровича за навеянную

его трудами идею написать об историческом смысле и содержании понятий «жилое пространство»/«жилая среда». К сожалению, я делаю это после смерти ученого в 2018 году. Так сложились обстоятельства.

Одна из многочисленных публикаций исследователя называлась «Превращение среды, которой стыдятся и которую ненавидят, в осознанную ценность». Меерович писал о пока еще существующей деревянной городской застройке Иркутска и судьбе архитектурных памятников XVIII–XIX веков. Но заголовок удивительно подходит к ситуации 1950–1960-х годов. Они оставили нам в наследство жилую среду, которую тоже и стыдятся, и ненавидят. Это знаменитые «хрущевки». О них, презираемых и многим мешающих, моя новая книга. Я попытаюсь осмыслить значимость неказистых зданий с малогабаритными квартирами не столько для истории советского градостроительства, сколько для формирования советской повседневности времен оттепели. Возможно, что-то и получится.

И еще немного сугубо личного. Эта книга, далеко не первая в моем послужном списке, создавалась очень нелегко. Срок ее сдачи в издательство я все время откладывала! С годами, говорят, прирастает мудрость — в этом я не очень уверена, но точно увеличивается волнение за качество содеянного. Текст я сочиняла будучи в состоянии перманентного стресса, много нервничала и донимала сотрудников издательства нелепыми вопросами и просьбами. Дорогие моему сердцу НЛО-шники все это безропотно сносили. И за это им огромная благодарность: и Ирине Дмитриевне Прохоровой, и редактору серии «Культура повседневности» Льву Оборину, с которым мы работаем уже 10 лет, и Ольге Виноградовой, непосредственному редактору этой книги, и руководителю отдела авторских прав Сергею Елагину.

Благодарна я и своему мужу, доктору технических наук, сотруднику системы «Росатом» Олегу Никленовичу Годисову.

Он помог мне превратить работу над книгой в эксперимент. Мы гипотетически «проталкивали» мебель в малогабаритное жилье, оценивали его теплоизоляционные свойства, которые зависят не только от толщины стен, но от конкретного расположения квартиры в доме, наблюдали за освещенностью жилых пространств и т. д. Все это сравнивалось с комфортом и удобством зданий новой массовой застройки, знаменитых «человеяников».

В общем, шла любопытная игра, в которой самый важный элемент — адекватный партнер. С этим мне действительно повезло. Мы вместе уже 50 лет.

*Наталья Лебина*

*Январь 2024*

## ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОСТРАНСТВА. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Главный инструмент исторического исследования, конечно, «время». У этого понятия есть много привлекательных качеств — прежде всего необратимость. Именно она позволяет создать достоверную модель минувшего. Ведь его границы обычно отмечены конкретными временными вехами. Так выстраиваются и хронология, и периодизация былого. Они, в свою очередь, отвечают за «точность» и «реальность» любой исторической реконструкции, а также за упорядоченность научных знаний о «былом». Но нельзя забывать, что время одномерно и даже в какой-то степени плоско. У него есть начало и конец, но нет объема и предметности. Кроме того, в прошедшее невозможно вернуться.

Другое дело — пространство. Оно трехмерно и, как правило, наполнено чем-то вполне реально ощутимым. Более того, именно это сугубо «материальное», по мнению Альберта Эйнштейна, обеспечивает жизнеспособность пространства. Оно просто исчезнет, если утратит свое вполне ощутимое содержание, потянув за собой в небытие столь почитаемое историками время. И реально бытовавшие в прошлом, и ныне существующие локусы представляют собой вместители вещей, предметов и людей. Последние выступают в качестве носителей правил и канонов поведения, ценностей и норм, появившихся под влиянием



особых черт конкретного пространства. Именно поэтому именно оно, а не время с его однонаправленностью и одномерностью предоставляет огромные возможности для реконструкции минувшего с позиций социальной истории и истории повседневности.

В начале 1970-х французский философ и социальный теоретик Анри Лефевр написал книгу «Производство пространства». Лефевровская концепция основывалась на идее не столько физической, сколько культурной и общественной природы разнообразных локусов. По мнению мыслителя, «социальное пространство... включает произведенные вещи и взаимоотношения между ними в их сосуществовании и одновременности... [и] является результатом последовательности целого ряда операций... действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить...». Лефевр уделил внимание и проблеме «репрезентации», то есть способам самопредставления пространства с помощью разнообразных символов и знаков. Их систему конструировали архитекторы, планировщики, скульпторы, дизайнеры, художники, ученые. Жизнь обычных людей во многом подчинялась кодам нового социально-архитектурного пространства, а оно, в свою очередь, изменялось под воздействием быта. Идеи Лефевра становились особенно актуальными в условиях ускорения мировой урбанизации и роста массового жилищного строительства.

Известно, что на развитие индивидуальных и «коммунальных» характеристик человека существенное влияние оказывают факторы среды его обитания. И прежде всего это относится к жилищу. Оно всегда представляет собой некую сферу, особым образом сконструированную и наполненную. Так возникает социальный институт, формирующий и дисциплинирующий личность, стиль ее бытового поведения, культурные ориентиры, материальные запросы и т. д. С этих позиций рассматривал человеческое жилище

и французский социолог Пьер Бурдьё. Он утверждал, что *habitus* (стремление действовать определенным образом в определенной ситуации) складывается под влиянием структуры *habitat* (жилища). Жилье, будь то дворец или хижина, представляет собой одновременно физическую и социальную сферы, где в первую очередь разворачивается частная жизнь. «Дом» может дать людям не только защиту от холода и непогоды, но и возможности для самовыражения и самоидентификации. Российский философ Валерий Подорога в книге «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию» отмечал: «Ваша комната — продолжение вашего телесного образа и от него неотделима». Действительно, люди заполняют собой, а также разнообразными вещами и предметами жилое помещение и одновременно под влиянием его свойств и характеристик меняются сами. Детали этого процесса могут рассказать многое о культурно-бытовых явлениях прошлого и настоящего.

Физические локусы обладают свойством, которого нет у категории «время». Они способны становиться своеобразными «проводниками в прошлое». Нашему современнику довольно сложно войти в соприкосновение с минувшим. Но он может осмотреть тот или иной архитектурный объект, а нередко и оказаться внутри жилья некой исторической эпохи, ощутить его бытовую атмосферу, понять, насколько тепло, светло и комфортно было его обитателям. Так, почти на уровне ощущений, приходит понимание условий, в которых формировались вполне определенные «границы тела» человека древнекитайской цивилизации, европейской Античности, «золотого века» Екатерины Великой и многих других славных и страшных, героических и трагических минувших времен. Главное здесь — это относительная «сохранность» старинных локусов обитания. Крупнейший французский исследователь проблем социальной истории Фернан Бродель, автор знаменитого трехтомника «Материальная цивилизация,

экономика и капитализм XV–XVIII веков» («Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV<sup>e</sup>–XVIII<sup>e</sup> siècle»), писал о счастье изучать жилые пространства прошлого, когда они являются «стабильными реальностями», сохранившимися или деликатно отреставрированными. Именно они переносят исследователя в минувшее.

Такое счастье доступно и исследователям российской истории 1917–1991 годов. Юрий Слезкин создал эпический труд о Доме правительства, больше известном обычному читателю как Дом на набережной. Книга «Дом правительства. Сага о русской революции» — аналитическое повествование о советской знати, своеобразной большевистской «секте», объединенной не только идеей, но общей, сугубо элитной средой повседневности. Конечно, автор проработал огромный массив письменных источников, без которых немислимо историческое повествование. Однако именно живой контакт с ареалами прошлого — и личный, и осуществленный с помощью музейной экспозиции Дома на набережной — позволил Слезкину, по его собственным словам, воссоздать «тыл авангарда, частный мир общественных деятелей, место, где жили революционеры и умерла революция».

Почти 20 лет назад попытку рассказать о складывающейся особой иерархии жилого пространства советской номенклатуры в 1920–1930-х годах на материалах знаменитого в Петербурге дома 26/28 на Каменноостровском проспекте предпринял и автор этой книги (см.: Источники и литература). Важным фактором интереса к быту ленинградских большевиков было непосредственное соприкосновение с локусом их размещения — работа экскурсоводом в Музее-квартире Сергея Кирова. Можно сказать, что здесь реализовалось счастье исследователя: он оказался в той же бытовой среде, что и действующие лица им изучаемой эпохи.

И фундаментальный труд Слезкина, и издания, написанные на ленинградском материале, продемонстрировали

воздействие места повседневного обитания, в первую очередь структуры жилья, на стереотипы поведения людей. Представители большевистской номенклатуры оказались в специфическом бытовом пространстве. В Ленинграде они разместились в парадной части здания, построенного еще в 1911–1913 годах архитекторами семьи Бенуа. Дом был оборудован новинками того времени — лифтом, ванными комнатами, центральным отоплением, телефонами, во дворе располагались фонтан и колоннада из красного гранита. Здание имело собственную электростанцию и гараж. Новая власть успешно использовала уже существовавшее комфортное пространство, заселив его представителями ленинградской номенклатуры. В Москве же в Доме правительства появился специально созданный анклав с продуманной в деталях особой средой повседневного бытования. И в Москве, и в Ленинграде люди, приближенные к власти и обласканные ею, сплоченные единым местом проживания, приобретали специфические социальные черты. Так с помощью замкнутых жилых пространств формировались советские номенклатурно-элитные слои середины 1920-х — конца 1930-х годов.

В это же время в стране шло конструирование так называемых «коммунальных тел», наделенных особым чувством коллективизма. Жилье как формальный локус должно было сыграть в этом процессе не последнюю роль. Так думали еще социалисты-утописты. Они полагали, что в фаланстере — особом типе зданий — люди освободятся от тягот домашнего труда, от всего мелкого и частного, что затормозит процесс формирования «нового человека». Большевики попытались воплотить эти идеи в реальности. В стране появились первые дома-коммуны с характерными для них специфическими чертами быта. Небольшая часть таких строений сохранилась и ныне.

В Петербурге до сих пор существует здание, прозванное «Слезой социализма». Оно построено в 1929–1930-х годах

в самом центре города, на улице Рубинштейна, по проекту архитектора Андрея Оля. В доме присутствовали индивидуальные квартиры, но отсутствовали личные ваннные комнаты и кухни. Несколько лучше оборудовали и обустроили дом-коммуну в Москве на Новинском бульваре. Этот комплекс проектировал архитектор Моисей Гинзбург. Он настоял на включении в планировку элементарных гигиенических удобств, в основном душевых кабин, часто на две квартиры. Появились и кухни, но чаще всего в виде так называемого «кухонного элемента». Дома-коммуны рубежа 1920–1930-х годов — все же единичные примеры особого типа жилья, предназначенного для формирования массовых «коммунальных тел». Весной 1930 года большевистское руководство страны сочло архитектурные проекты домов-коммун непродуманными дорогостоящими начинаниями, дискредитирующими «идею социалистического переустройства быта».

Власть, конечно, не оставляла идею конструирования «нового человека» с помощью специфических форм повседневного обитания. Какое-то время эту задачу пытались решить с помощью бытовых коммун, небольших коллективов людей, связанных совместным проживанием. Однако, кроме наивного желания «перескочить к коммунистическим отношениям», ни у руководящих работников, ни у рядовых коммунаров ничего не было. В первую очередь отсутствовало должным образом организованное пространство. Бытовые коллективы располагались в старых казармах, красных уголках при клубах, нередко даже в комнатах коммунальных квартир. В 1934 году XVII съезд партии большевиков охарактеризовал движение по созданию бытовых коммун как «уравниловско-мальчишеские упражнения „левых“ головотяпов». «Коммунитаристские» начинания 1920–1930-х годов запечатлены в письменных источниках: официальных документах властных инстанций,

воспоминаниях, советской прессе. Но ощутить сегодня специфику среды «бытовых коллективов» практически невозможно — их помещения практически не сохранились.

Однако у исследователя, стремящегося понять особый стиль повседневности Советского Союза, пока есть возможность соприкоснуться с множеством пространственных артефактов обитания «человека советского». Эти локусы — результат повсеместного строительства типовых квартир в 1950–1960-х годах. В то время в стране формировалось единое и внешне единообразное жилое пространство. Этот же процесс активно развивался и в послевоенной Европе.

Дома по типовым проектам для своеобразного обезличенного потребителя в странах Запада появились еще во второй половине XIX века и достаточно активно продолжали строиться в 1920–1930-х годах. Потребность в дешевом жилье обострилась после Второй мировой войны в Германии, Великобритании, Франции и других странах Европы. Для ускоренного возведения пригодных для жизни, но недорогих зданий требовались материалы, альтернативные кирпичу, легкие и дешевые одновременно. Так появились крупные блоки, каркасные конструкции с облегченными заполнителями. Но не только нечто физически осязаемое, из чего можно и нужно создавать массовое экономичное жилье, интересовало новое поколение зодчих. Архитекторы и проектировщики формировали специфические каноны обитания обычного человека в условиях особого жилого пространства. Оно должно было обладать «открытостью», что отвечало новым представлениям о мировом локусе как «большом доме» всего человечества. Одновременно в систему архитектурно-строительного формотворчества входило понятие «среды» и ее границ.

Эти процессы можно наблюдать и в послевоенной истории СССР. Возведение типового жилья шло во всех

регионах страны. Стандартные и сравнительно дешевые дома задумывались в первую очередь для разрешения жилищного кризиса. Однако в советской действительности бурная строительная эпопея совпала с попыткой построения коммунизма за 20 лет. В 1961 году появилась новая программа Коммунистической партии Советского Союза. В документе подчеркивалась особая значимость для будущих социально-политических и экономических преобразований воспитания «всесторонне развитого человека» со «здоровыми, разумными потребностями». И конечно, жилье играло не последнюю роль в осуществлении плана воспитания «достойных людей коммунистического будущего».

Согласно официальной советской статистике, в 1950–1960-х годах в стране построили 1205,2 миллиона квадратных метров жилья. Эта цифра впечатляет, особенно если перевести ее в квадратные километры. Сегодня в мире существует около двадцати стран, территория которых меньше 1205 квадратных километров. Среди них Мартиника, Мадейра, Доминикана, Бахрейн. Можно считать, что за 10–15 лет в СССР образовался новый своеобразный территориально-социальный организм. Здесь все подчинилось единому образцу: расположение улиц, домов, магазинов и учреждений бытового обслуживания, конструкция придворовых территорий, а главное — иерархия и структура жилья.

Локус бытования «нового человека» предполагалось стандартизировать до мелочей, что, как казалось, могло обеспечить успешное формирование «всесторонне развитой личности» коммунистического общества. В реальности все оказалось сложнее и противоречивее. Новое пространство нередко существовало по своим законам. И осознать это сегодня вполне возможно на практике, увидев действительные параметры типового жилья. Ведь оно, несмотря на предполагавшуюся временность, и ныне составляет вполне

объективную и весьма объемную реальность. При желании исследователь может наблюдать ее, что называется, невооруженным глазом. А если повезет, как автору предложенной вниманию читателя книги, возможно просто поселиться в домах, возведенных в 1950–1960-х годах, и почувствовать их во многом преувеличенные недостатки, а также осознать невыявленные достоинства.

Строительство по стандартным канонам продолжалось в СССР до конца существования самого государства. Но особый интерес для детализации картины советской повседневности представляют пространства зданий, появившихся в годы оттепели. В то время в масштабе всеобщей десталинизации развернулся процесс деструкции сталинского «большого стиля» в архитектуре в частности и в обычной жизни в целом. Новое жилье играло огромную роль в преобразовании сталинского быта. Но ныне многие оценивают образцы массовой постройки 1950–1960-х годов лишь как скучные однотипные и неудобные жилища для «серого примитивного совка», приют лузеров и маргиналов. А в общественном сознании и коллективной памяти все эти здания ассоциируются лишь с термином «хрущевка», который в большинстве случаев употребляют в насмешливо-уничижительном смысле.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, — попытка описать и осмыслить феномен массового типового жилья, появившегося в СССР во второй половине 1950-х — в начале 1960-х годов. Этот сюжет достоин создания большого фундаментального труда, который можно было бы назвать «Хрущевка: постоянность временного. Опыт толкового словаря». Но для этого следует объединить общегражданских историков и историков архитектуры. А пока, рассматривая внешний облик зданий, построенных в годы оттепели, формы их внутриквартирного устройства, предметное насыщение нового жилого пространства, можно попытаться



показать изменения в жизни человека советского, связанные с общемировыми и европейскими тенденциями модернизации повседневности. В общем, рассказать о «хрущевке» как о парадоксе, сочетающем в себе элементы «советского» и «несоветского».

Текст написан в жанре научно-популярных очерков. Отчасти поэтому читатель не встретит в нем привычных ссылок. Тем не менее основа для рассуждений о «хрущевках» — широкий круг и традиционных источников, и разнообразной литературы. Об этом свидетельствует библиографический перечень, размещенный в конце книги. Хочется надеяться, что авторы исследований, важных для раскрытия проблем повседневности 1950–1960-х годов, разыщут себя в списке источников и литературы. В общем, используя лексику времен оттепели, можно сказать, что для написания очерков «задействованы» мысли «людей великих, средних и песика Фафика». Этот очаровательный герой будет периодически появляться в книге о «хрущевке» как выразитель слегка крамольных мыслей автора. А вообще песик «жил» на страницах польского журнала *Przekrój* с благословения его главного редактора Марьяна Эйле. Фафик оказался автором немало количества афоризмов. Их с удовольствием публиковали и в советской, довольно серьезной периодике, прежде всего «Науке и жизни», в годы оттепели. Пес был всегда краток, внятен и остроумен без злобной язвительности и политиканства. Вот, к примеру: «Сноб — это пес, блохи которого привезены исключительно из Лондона», или «Собака любит косточку — лозунг, придуманный людьми, которые предпочитают съесть мясо сами», или «Люди печальны, потому что им нечем повилиать».

Кроме чувства юмора, песик Фафик обладал вполне практическим умом. Ныне, когда отечественное общественное сознание освободилось от цепких объятий единой (марксистской) методологии, перед исследователями открылась

возможность применять в своих изысканиях самые разные теоретические постулаты. И это прекрасно! Но в ситуации глобального плюрализма, как правило, не находится места «методологии здравого смысла». Она, конечно, довольно приземленная, но ведь умеренный прагматизм еще никому не мешал, особенно в случае исторической реконструкции жилого пространства и его бытового наполнения. Именно в этом — важная роль «мыслей песика Фафика» при создании научно-популярного текста о «хрущевках». Простой, человеческий и часто сугубо женский взгляд (хотя песик Фафик, в отличие от автора книги, мужчина) — средство особой оптики при оценке качества жизни в пространстве типовых квартир. Удобно ли хозяйничать на маленькой кухне, комфортно ли пользоваться совмещенным санузлом, не сложно ли спать на кровати-трансформере, вкусно ли готовили в домовых кухнях — многие проблемы повседневности малогабаритного жилья и можно, и нужно оценивать с точки зрения здравого смысла современного человека. Он уже вполне информирован о преимуществах и недостатках квартир-студий, большинство из которых по площади уступают «хрущевкам». Сегодня привычной бытовой практикой стала интимизация жилого пространства с помощью легко собираемой дешевой мебели еще недавно работавшей в России компании ИКЕА, а также отечественных производителей. Наши современники хорошо понимают, насколько удобны для потребителя фасованные продукты и многочисленные заведения общественного питания, и одновременно критически оценивают пользу системы «быстрой еды». Сегодня понятно, что стиральные машины в собственной квартире хотя вещь и комфортная, но неспособная полностью заменить прачечные и химчистки. И это не следует забывать, оценивая преимущества домашней техники, которая получила распространение именно во времена оттепели.

Конечно, хочется найти для очерков о «хрущевках» особый стиль изложения и написать текст по возможности популярный, без особых терминологических сложностей. Возможно, кому-то язык книги покажется своеобразной смесью «французского с нижегородским». Но в данном случае «положение обязывает»: стандартное жилье в СССР в 1950-х — начале 1960-х формировалось под сильным влиянием именно французской архитектурно-культурологической традиции. Ну а ернический тон некоторых авторских сентенций — результат попытки проникнуться особым духом времен оттепели. Люди эпохи десталинизации называли это время «уморительным». Так думал, например, признанный петербургский поэт Владимир Уфлянд. В эпитете «уморительный» не было насмешки, литератор подразумевал прямые смыслы слова — смешной, веселый, забавный. В 1950–1960-х годах шутить старались все: профессиональные сатирики, первые участники КВН, физики и т. д. и т. п. Это обстоятельство потребовало обратить особое внимание на некие специфические документы и расширить источниковую базу очерков за счет фольклора и литературного нарратива.

Конечно, написать что-либо исторически достоверное, пусть даже в популярном жанре, невозможно без использования разного уровня нормативных документов. Их лексика, как правило, нудновата и суховата. Но информативность официальных материалов неоспорима. Дело в том, что важны не только реальные сведения об изменении тех или иных черт повседневности, но и намерения власти, ее представления о том, «что хорошо, а что плохо» для жизни рядового человека. В тексте книги, конечно же, будут цитаты из партийно-правительских решений. А для ознакомления с особенностями официального языка эпохи оттепели и разнообразными властными вариантами преобразований жилых пространств в 1950–1960-х годах, возможно, стоит

посмотреть на полные тексты партийно-государственных документов. Некоторые из них, в частности текст Третьей программы КПСС (1961), сегодня можно читать как произведение фантастического жанра. Но в целом знакомство с такими источниками довольно трудоемкий процесс. И тем не менее скучные постановления и решения — это своеобразные вехи, маркирующие начало, кульминацию и конец хрущевской жилищной реформы. Именно поэтому в тексте, посвященном строительству массового жилья, указаны точные даты появления тех или иных нормативных и делопроизводственных документов.

И все же реальную живость научно-популярному тексту, к тому же историко-антропологическому, конечно, придают нарративные материалы. В источниках личного происхождения, как правило, лучше отражены детали быта и разнообразные эмоции. Эти качества во многом присущи и произведениям художественной литературы, написанным во время или сразу после тех или иных исторических событий. Историки давно и многократно обсуждали ценность литературного нарратива для реконструкции прошлого. Лев Гумилев в 1972 году в статье со знаковым названием «Может ли произведение изящной литературы быть историческим источником?» писал: «Каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником... как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи...» В тексте научно-популярной книги о «хрущевке» читатель часто будет видеть отсылки к художественной литературе. Это произведения «подцензурных» советских литераторов, известных и ныне читающей публике: Василия Аксенова, Натальи Баранской, Андрея Битова, Даниила Гранина, Виктора Драгунского, Веры Пановой, Анатолия Рыбакова. Но есть и сегодня практически забытые имена: Александр Андреев, Иван Шамякин, Иван Шевцов. Возможно, это отчасти заслуженно. Шевцов, например, автор

ряда просталинских, ксенофобских и даже антисемитских произведений. И они, конечно, интересны лишь как исторический факт. Что, казалось бы, может роднить этих литературных антиподов? Ответ прост — наличие внешне второстепенной, но потому и достаточно достоверной информации о бытовых реалиях жизни в СССР в годы оттепели. На страницах очерков о «хрущевке» можно встретить много цитат из поэтических произведений, написанных в 1950–1960-х годах или носящих характер стихотворных мемуаров. Примером последнего «нарратива» можно считать «Плач по коммунальной квартире» (1983) Евгения Евтушенко. Чуть позже Луиза Хмельницкая написала музыку, и появился романс, который иногда исполняют и сегодня. В эпоху оттепели стихи были нравственным ориентиром и образом мысли для многих людей. И строки Евтушенко из стихотворения «Медленная любовь» именно об этом:

Шестидесятые, какие времена!  
Поэзия страну встряхнула за уши.  
Чего-то ожидала вся страна...

В книге используются и произведения иностранных авторов — немецких, французских, английских и итальянских прозаиков: Генриха Бёлля, Франсуазы Саган, Эльзы Триоле, Джона Брейна, Дачии Мараини. Этот литературный нарратив дополняет картину жизни европейцев в типовом жилье, составленную на основе научных публикаций. Особую ценность представляет роман Триоле «Розы в кредит» (1959) — образец французской художественной прозы, что важно для повествования о феномене массового жилищного строительства. Ведь в СССР первоначально возводились дома по технологии, пришедшей из Франции. Книга по праву считается одним из первых произведений французской литературы, где освещалась тема общества потребления. Творчество Триоле, как признавали французские литературные

критики, всегда опиралось «на реальность». Но описание, казалось бы, серой будничности не мешало демонстрации серьезных социальных проблем, в данном случае — казусов всеобщего благополучия. С точки зрения историка, особую ценность представляет указание на даты событий, происходящих в романе, — 1952–1953 годы. Это повышает достоверность литературно-художественной информации.

И последний по месту, но не по значению комментарий по поводу источников для научно-популярной книги о «хрущевках». Хочется, чтобы читатели очерков прониклись атмосферой юмора, царившей вокруг первых опытов индивидуального жилья в СССР. Существует старый и беспроницаемый способ развеселить компанию или своего читателя — рассказать хороший анекдот или использовать его в тексте. Однако в «большой исторической науке» это считается дурным тоном, и вообще, чем скучнее текст, тем он учнее. На самом деле дурновкусие скорее в том, что авторы научных фолиантов не относятся к своим безапелляционным выводам с должной самоиронией. А ведь способность слегка пошутить над содеянным можно считать одним из признаков таланта.

В советском культурно-бытовом пространстве эпоха расцвета «научно-юмористического» подхода к явлениям природы и общества — 1960–1970-е годы. В это время в СССР появилась книга «Физики шутят», составленная учеными города Обнинска, центра ядерной физики и атомной энергетики, метеорологии, радиологии, радиационной химии и геофизики. Вдохновителем издания стал известный физик-теоретик Валентин Турчин. В 1968 году издали еще один сборник под названием «Физики продолжают шутить». А потом пришло время брежневского застоя, острить в публичной сфере на тему науки физики перестали.

В оттепельные годы позволяли себе пошутить и представители гуманитарных наук. В 1966 году в стенгазете

Института философии Академии наук СССР в связи с очередными выборами академиков появилась рубрика «Выберем кого надо». Современники вспоминали: «В академии был выставлен Митрофан Лукич Полупортянцев — обобщенный образ номенклатурного философа, созданный по образцу Козьмы Пруткова, но насыщенный новым комедийным смыслом. Это был продукт коллективного творчества талантливых сотрудников Института...» В стенгазете публиковались и «труды» большого ученого Полупортянцева. Тогда, в 1960-х, особенно одиозным казался хвалебный отзыв на кандидатскую диссертацию «О дальнейшем преодолении существенных различий между мужчиной и женщиной» некоего Б.Б. Балаболкина. Ныне, в 20-х годах XXI века, шутить над такими изысканиями небезопасно. Могут и обвинить в нетолерантности. Но тогда, в оттепельные времена, это казалось смешным многим — и даже историкам. Они тоже иногда ерничали над объектами исследования и методическими приемами своей науки. Самый блестящий пример — небольшая книжка с эпатазирующим названием «Восстановление ума по черепу». Выступивший под псевдонимом Д. Аль профессор Даниил Альшиц издал в 1996 году текст капустника, посвященного 25-летию воссоздания в Санкт-Петербургском (тогда Ленинградском) государственном университете исторического факультета. Сам перформанс имел место в 1959 году.

Время хрущевских реформ осталось в памяти потомков благодаря огромному количеству анекдотов. Удивительные артефакты смеховой культуры чрезвычайно ценны для реконструкции советского прошлого. Об этом блестяще написал в статье «Анекдот. Опыт социологического анализа», опубликованной во втором номере журнала «Новый Леф» за 1927 год, Виктор Перцов, позднее известный советский литературовед и критик:

Быстрота, с которой распространяется и доставляется потребителю современный, по преимуществу политический, анекдот — анекдотична...

Как порыв ветра разносит семена — пух одуванчика, анекдот садится сразу и одновременно в десятки тысяч голов, впивается верностью ухваченного им соотношения, ошеломляет поразительным знанием предмета и момента... Специальные экспедиции собирают частушки в деревне. Анекдоты живут не записанные и не прописанные. Они уничтожаются в едином акте потребления, как пища. Никто не слушает анекдот дважды; одержимый анекдотом человек ревниво следит за тем, чтобы не попасть впросак, рассказав его во второй раз.

Нет ничего более злободневного и принудительного, зовущего к исполнению, чем анекдот. Нет ничего более фантастического, дикого, невероятного, приподнятого над действительностью и в то же время врезающегося корнями в реальность сегодняшнего дня...

С эпосом анекдот сближают его безымянность, неуловимость созидания, коллективность обработки, враждебность письменности, отсутствие личной славы выдумщика. Это индустриальный городской «эпос», однодневный, телеграфно-экономный, портативный продукт общего пользования...

Анекдот, несомненно, служит хорошей почвой для укрепления утилитарной литературной формы — газетного и журнального фельетона.

Краткость и энергия — черты, роднящие его с лозунгом.

Емкость материала и точность словесной отделки — признаки мастерства.

Вот в каком смысле следует говорить о культуре анекдота.

Пространное цитирование в этом случае — дань слогу Перцова. Современному исследователю, стремящемуся использовать анекдоты как исторический источник, очень повезло. В 2014 году в «Новом литературном обозрении» появилась



книга «Советский анекдот. Указатель сюжетов». Это подлинная антология небольших литературных текстов, объединенных прежде всего по жанровому признаку. Следует отметить, что и ранее читатель мог встретиться с разного рода сборниками кратких юмористических текстов, посвященных специфике жизни в СССР. Однако книга Михаила Мельниченко — фундированное научное издание, что позволяет рассматривать приведенные в нем данные как достоверный исторический источник.

Важны для описания внешних и внутренних характеристик пространства «хрущевок» материалы самого известного советского сатирического журнала «Крокодил». Результаты фронтального просмотра номеров издания за 1952–1967 годы, а это 576 печатных единиц по 16 страниц каждая, позволяет утверждать, что «Крокодил» — настоящий клад сведений о повседневной жизни в СССР. И это несмотря на откровенную «советскость» и политическую заостренность журнала. Невольно вспоминается довольно злобная реплика одного из героев фильма «Гараж»: «Занимаюсь сатирой. — Русской или иностранной? — Нашей. — По девятнадцатому веку? — Нет, современной. — Хм! У вас потрясающая профессия! Вы занимаетесь тем, чего нет». Неправда! Были и юмор, и сатира, и хорошие авторы, которые и подсмеивались над причудами советского быта, и довольно жестко его критиковали. Информативны не только «крокодилские» тексты, но и то, что в 1950–1960-х годах называли изошутками. Журнал обладал блестящим составом художников-карикуристов. Здесь работали Геннадий Андрианов, Александр Баженов, Юлий Ганф, Владимир Добровольский, Борис Лео, Наум Лисогорский, Константин Ротов, Юрий Федоров и др. Они освещали такие проблемы типового жилья, которые трудно обнаружить в вербальных источниках. Карикатуры из «Крокодила» для научно-популярной книги — не просто

картинки для «оживляжа» текста. Они выполняют важную роль визуальной детализации многих культурно-бытовых процессов типового жилища. Одновременно изошутки — носители действенного юмора и созидательной сатиры, а не мрачного апокалиптического глума по поводу «хрущевок» и их вещного наполнения. Ныне важно не только посмеиваться над спецификой нового жилого пространства времен оттепели, но и осознавать его значимость для изменения жизни в СССР. Тем более что именно стандартные квартиры являлись средой, где разворачивался процесс не только деструкции сталинского быта, но и «вестернизации» обыденности человека советского. Изучая «хрущевки», их предметное и социальное содержание, можно раздвинуть границы представления о советскости как стилистике повседневности, о степени асинхронности процессов модернизации быта в СССР и на Западе после Второй мировой войны.

Достойным дополнением картины быта в новом жилом пространстве является и советская живопись, прежде всего, картины Юрия Пименова. Особую ценность для визуализации специфики жизни в новом жилом пространстве представляют следующие полотна художника: «Район завтрашнего дня» (1957), «Франтихи» (1958), «Свадьба на завтрашней улице» (1962), «Первые модницы нового квартала» (1961–1963), «Движущиеся границы города» (1963–1964), «Утро в городе» (1964), «Лирическое новоселье» (1965), «Тропинка к автобусам» (1966), «Перед танцами» (1966). Многие суждения о «хрущевках» автор книги сформулировал под влиянием визуальных источников, поэтому и картины, и «картинки» — важная часть текста. Однако разного рода обстоятельства, в частности связанные с особенностями российского авторского права, определили особенности работы с так называемым «иллюстративным материалом». В книге используется прием

«визуального цитирования», то есть авторского изложения и осмысления «рисованных» материалов, а проще говоря, пересказа их содержания с одновременной интерпретацией изображенных деталей.

Обращение автора книги о «хрущевке» к этой методике сродни эксперименту, такого еще делать не случалось. Помощь пришла неожиданно. У прекрасного писателя Константина Паустовского в первой части трилогии «Повести о жизни» — по сути дела, в мемуарах о ранней юности, которые вышли в 1946 году под названием «Далекие годы», — есть забавное описание практик изучения иностранных языков в российских гимназиях:

Француз Сэрму... приносил под мышкой большие олеографии и развешивал их на стене. Сэрму развешивал олеографии, брал... указку, показывал на поселян, танцующих с серпами, или на котенка и спрашивал громовым голосом по-французски:

— Что видим мы на этой интересной картинке?

Мы хором отвечали по-французски, что на этой картинке мы ясно видим добрых пейзажистов или совсем маленькую кошку, играющую нитками достопочтенной бабушки.

Много лет спустя я рассказал своему другу, писателю Аркадию Гайдару, как мосье Сэрму обучал нас французскому языку по олеографиям.

Гайдар обрадовался, потому что и он учился этим же способом. Воспоминания начали одолевать Гайдара. Несколько дней подряд он разговаривал со мной только по методу Сэрму...

Когда мы возвращались в Москву по пустынной железнодорожной ветке от станции Тума до Владимира, Гайдар разбудил меня ночью и спросил:

— Что мы видим на этой интересной картинке?...

— Мы видим, — объяснил Гайдар, — одного железнодорожного вора, который вытаскивает из корзинки у почтенной старушки пару теплых русских сапог, называемых валенками.

Сказав это, Гайдар — огромный и добродушный — соскочил со второй полки, схватил за шиворот юркого человека в клетчатой кепке, отобрал у него валенки... Испуганный вор выскочил на площадку и прыгнул на ходу с поезда. Это было, пожалуй, единственное практическое применение метода господина Сэрму.

Опыт преподавателя французского применен и в книге о «хрущевке». Автор с большим напряжением пытается облечь в словесную форму те или иные изобразительные приемы, которыми пользуются и живописцы, и художники-карикатуристы. Но эти потуги все же позволяют избежать превращения визуальных источников в «развлекательные иллюстрации», не связанные с общим исследовательским текстом, а также обойти возможные казусы, связанные со спецификой авторского права.

Сразу надо предупредить читателя, что автору во избежание множественных тавтологий приходится употреблять разнообразные синонимы понятия «пространство». Иногда они довольно точны, иногда парадоксальны, иногда носят социально-уточняющий характер. К числу последних можно отнести, например, синонимы «плацдарм», «ристалище», «раздолье», «надел».

Текст очерков разделен на три части и организован по пространственному принципу.

Первая часть, «Вид снаружи», посвящена проблемам вербальных и территориальных границ нового вида жилья, жививания «наделов» типового жилья в стабильные социально-географические локусы, а также характеристикам внешнего вида домов, принципиально новых для огромной территории СССР. Так следовало бы написать в исследовании архитектурно-антропологического направления. Ну а если несколько снизить научный пафос, то обобщить содержание глав первой части очерков о «хрущевках» можно следующим образом. Это рассказ о появлении, существовании

и смысле слова хрущевка; о феномене советского микрорайона и георасположении типового строительства, о так называемых «зачистках пространства» — вытеснении излишеств из архитектуры; о том, так ли однообразны были типовые здания.

Вторая часть, «Личные места общего пользования», — повествование о парадоксальных аренах бытования в стандартном индивидуальном жилье, о персональных местах общего пользования (МОП), прежде всего о кухнях и санузлах. В мире советских коммуналок их смело можно было назвать ристалищами быта. В отдельных же квартирах, предназначенных для одной семьи, функционально-гигиеническая и социально-психологическая атмосфера МОПов менялась. Но процесс был непростым.

Третья часть очерков, «Жилая площадь», связана с «территориями» не подсобными, а предназначенными для отдыха и свободного времяпрепровождения. В индивидуальных спальнях и общих комнатах (гостиных) формировались новые черты частного, во многом схожие с канонами европейской приватности.

Все три части книги, кроме материала о «хрущевках», содержат довольно объемные экскурсы в перипетии обывательской жизни «человека советского» дохрущевского времени. Без описания канонов быта российского, а главное — советского прошлого первой половины XX века невозможно оценить масштабы изменений повседневности, произошедших в стране в результате массового жилищного строительства.

Важная часть структуры очерков — приложение. Кроме традиционного списка литературы, именного и предметного указателей, в него входит таблица «Сводные характеристики серий „хрущевки“». Она выглядит непривычно для историко-антропологических очерков: такой систематизированный материал нечасто встречается даже в литературе архитектурно-строительного жанра. А ведь сведения

о разных сериях типовых квартир в СССР необходимы для знакомства с метрическими параметрами нового жилого пространства, характеристиками строительных материалов, зонами размещения и, наконец, продолжительностью существования «хрущевок». Автору удалось представить описание 22 серий домов, которые строились с 1957 по 1963 год. Выборка, конечно, достаточно условна, но в то же время может считаться репрезентативной. Ведь даже Филипп Мойзер и Дмитрий Задорин — создатели фундаментального издания «К типологии советского домостроения. Индустриальное жилищное строительство в СССР» (2018) — привели данные всего лишь о девяти сериях «хрущевок». И это не помешало построить грамотную модель архитектурно-строительного феномена. Думается, что для социально-исторических очерков 22 объектов хватит, чтобы сделать некоторые выводы и обобщения — особенно если руководствоваться слоганом песика Фафика о мыслях людей великих, средних и авторов научно-популярных книг.

А теперь совсем немного о программе реновации. Читатели (а хочется надеяться, что таковые появятся) обязательно будут искать в книге ответ на вопрос о сносе зданий с первыми индивидуальными квартирами для одной семьи. Так вот. Стремление освободить престижные, ныне занятые «хрущевками», городские территории для возведения элитного и не очень, но обязательно многоэтажного жилья — главная цель современной российской реновации. И это первое и последнее упоминание о ней в книге «Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности».